

И. И. МОЧАЛОВ, В. А. СНЫТКО

ПАМИР НА ТРОПЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ*

Первое издание этой книги впервые увидело свет в 2001 г. в издательстве «Памятники исторической мысли» и было снабжено кратким подзаголовком: «Монография в документах». По непонятным причинам во втором издании этот подзаголовок в новом издательстве (научный редактор Ю. П. Баденков) почему-то был снят – и совершенно напрасно. Два слова – «монография в документах» – несут емкую и многогранную смысловую нагрузку, чтобы позволительно было обходиться с ними столь легкомысленно. Впрочем, первое издание обозначено как «научное», второе – как «научно-популярное»; но вряд ли это что-нибудь объясняет в интересующем нас аспекте.

Любая монография в документах, – а исследование А. В. Постникова является именно таковым, – предъявляет к ее автору (авторам) высокие и достаточно жесткие требования. Прежде всего это по возможности исчерпывающая полнота и точное соответствие публикуемых материалов оригиналам. Чаще всего это рукописи либо печатные издания, ставшие библиографической редкостью и отличающиеся от собственно рукописей по степени, но не по существу. Исследование А. В. Постникова этим требованиям отвечает в полной мере.

В XIX в., особенно во второй половине, в районе Памира столкнулись геополитические интересы России, Британии, Китая, Афганистана. Главными действующими лицами схватки на «Крыше Мира» выступили первые две державы-империи¹; хотя роль Китая и была менее значимой, но он отнюдь не был «третьим лишним»; Афганистан же постепенно отходил на второй план.

Однако до недавнего времени внешнеполитические фонды архивов России (ранее СССР) и Китая, в силу хорошо известных обстоятельств, были исследователям практически недоступны. В решающей степени благодаря тому, что автор принимал участие в работах на государственном уровне по изучению (историко-географическому в том числе) и маркировке спорных участков российско-китайской границы, ему удалось преодолеть подобного рода ограничения. А. В. Постников довольно исчерпывающе изучил все материалы по Памиру, хранящиеся в ведущих отечественных и зарубежных архивохранилищах: Архиве внешней политики Российской империи, Российском государственном военно-историческом архиве (Москва), Российском государственном историческом архиве (Санкт-Петербург), Историческом архиве

* Постников А. В. Схватка на «Крыше Мира»: Политики, разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX веке / Общая редакция и предисловие академика В. С. Мясникова. 2-е изд. М.: РИПОЛ классик, 2005. 512 с.

¹ Подробнее см.: Постников А. Имперские игры // Вокруг света. 2003. № 5. С. 196–205.

Казахстана (Алма-Ата), Узбекском национальном историческом архиве (Ташкент), областных архивах Сибири, отделах рукописей Российской государственной библиотеки (Москва) и Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).

Материалы дипломатического архива вице-короля Индии, подаренные правительством Индиры Ганди правительству СССР, А. В. Постников изучал в Архиве внешней политики Российской империи; затем изучение было продолжено в Архиве и Библиотеке Правления Индии, Департаменте восточных рукописей и книг Британской библиотеки в Лондоне во время двух командировок по грантам Британской академии наук. Помимо этого, автор изучал материалы Национальной библиотеки в Париже, Военного архива в Швеции и Шведской Королевской библиотеки, а также документальные источники, хранящиеся в польских и финских архивах и библиотеках.

Таким образом, А. В. Постников получил возможность исследовать как конфиденциальные доклады, отчеты, переписку, карты, так и корреспонденцию центрального и индийского правительств Британии и соответствующих внешнеполитических ведомств, отчеты английских разведчиков-туземцев (пундитов), сообщения Департамента разведки Службы генерал-квартирмейстера индийской армии, официальные отчеты Памирской пограничной комиссии, материалы, отражавшие соперничество названных четырех держав в районе Памира в литературе и картографии других европейских стран, прочие подлинные документы.

Трудно даже представить себе, какой огромный объем «черновой» работы по архивным и опубликованным источникам пришлось проделать автору, прежде чем ее результаты смогли быть подытожены в виде книги. В этом отношении монография вполне сопоставима с другой книгой автора². В первом издании рассматриваемой книги последовательно, без единого исключения, выдерживался принцип параллельного представления читателю всех англоязычных документов в двух вариантах – на языке оригинала и в переводе на русский (в роли переводчика выступает сам автор).

Каждая работа на историческую тему, даже если это небольшой очерк или заметка, имеет свои, лишь ей свойственные координаты времени и пространства. Последние зависят не только от решаемых исследователем конкретных задач самих по себе, хотя эта зависимость и выступает на первый план прежде всего. Здесь исследователь в наибольшей степени является хозяином положения, он организует материал так, как считает правильным и необходимым, он диктует ему свою волю. Но этим дело не ограничивается. Очень скоро, нередко уже на стадии сбора и обработки сырых фактов, исследователь все отчетливее начинает осознавать, что для решения поставленных задач он вынужден выйти за пределы первоначально намеченных им пространственно-временных ориентиров, эти пределы расширить и нередко потом расширять их снова и снова. Из хозяина положения он становится заложником им же созданной познавательной ситуации, когда свобода оборачивается жесткой, иногда даже жестокой необходимостью, требующей максимальной концентрации сил и внимания.

² Постников А. В. Русская Америка в географических описаниях и на картах. 1741–1867 гг. СПб., 2000.

Нам кажется, эта глубинная, многим из нас знакомая по собственному опыту, диалектика творчества историка достаточно отчетливо проявилась в документальной монографии А. В. Постникова.

Формально книга ограничивается XIX в. (это отражено и в ее названии), и действительно, все рассматриваемые автором основные события укладываются в этот временной отрезок. Но по существу авторский текст выходит за пределы XIX в. А. В. Постников обращается как к предыстории (нередко весьма отдаленной) «памирского вопроса», так и к его послеистории, заходящей в XX в. и продолжающейся (в известном смысле) по настоящее время.

Здесь обнаруживается некая общая тенденция, свойственная не только книге А. В. Постникова, но присущая, скорее всего, каждому сколько-нибудь значительному историческому исследованию. Сквозь призму «памирского вопроса» с большей или меньшей отчетливостью проглядывает, а иногда смутно угадывается некая связь времен, связь разных исторических эпох и свойственных им разнородных наслоений, слышится то громкая, то приглушенная переключка событий, эпизодов, имен, разговоры и споры людей, давно ушедших из жизни.

Дело, однако, не только в этом. Историческое одномерное время, органично включенное в географическое трехмерное пространство, по изначальной сути своей всегда структурированное и многофакторное, само также с железной необходимостью «обзаводится» такими же структурированно-многофакторными свойствами. Значит, можно и должно говорить о глубоко сближающем человеческую историю с историей природы едином пространственно-временном четырехмерном континууме «нашей» социальной истории, континууме, проявляющем и развертывающем себя в аспектах собственно природном, социальном, технико-экономическом, ментальном... Справедливость этой аксиомы еще раз демонстрирует исследование А. В. Постникова.

* * *

Основная цель монографии, как ее определяет А. В. Постников, – *«анализ истории географического изучения и картографирования Памира, проводившихся в условиях борьбы Великобритании, России, Китая и Афганистана за господство в этом регионе, борьбы, которая была существенным элементом в процессе формирования границ»* (с. 41. Здесь и далее курсив наш. – И. М., В. С.).

Знакомство с монографией убеждает, что эта цель автором достигнута в полной мере (что в той или иной степени отмечалось уже в откликах на первое издание книги). Однако на пути к цели ему пришлось, скорее всего, преодолеть определенные трудности, не исключено – даже и препятствия, развязать не один узел, распустить запутанные клубки действий и противодействий соперничающих сторон и представляющих их, говоря его словами, «политиков, разведчиков и географов». Может быть, это и преувеличение, но такое впечатление порой складывалось у нас при знакомстве с книгой.

Событийная ткань книги отличается пестротой и разнообразием. Нити, из которых эта ткань соткана, разнятся по своему диаметру, длине, прочности, окраске. Это – нити больших или малых, глубоких или поверхностных сюжетов, где роли на исторической сцене играют политика и дипломатия, наука и

экспедиционная практика, военное дело и шпионаж. И часто сам автор, вживаясь в историческое прошлое, вынужден выступать, по меньшей мере, условно говоря в двойной роли: чрезвычайного и полномочного посла и следователя по особо важным делам. Это – то, что лежит на поверхности и с большим или меньшим успехом усваивается читателем непосредственно из текстов. Что же касается черновой работы исследователя по сопоставлению и систематизации документов, поиску новых звеньев и подходов, заполнению неизбежных лакун и т. д., – все это, понятно, осталось за кадром. Но итог налицо – впечатляющего объема монография, где материал не только исторически, но и логически автором *организован*.

Стремясь к поставленной цели и в конечном итоге достигнув ее, А. В. Постников, на наш взгляд, решал также и некоторую *сверхзадачу*. Последняя исходную цель отнюдь не отвергала, но *включала в себя* в качестве текущей, «повседневной» *рабочей задачи*, которую и решил автор. В отличие от рабочей задачи – свою сверхзадачу автор сам не формулирует, во всяком случае – не делает это в явном виде. Но она, как «серый кардинал», незримо присутствует в его исследовании.

Эту сверхзадачу мы попытались сформулировать в названии настоящего очерка. Поясним немного сказанное.

Если обратиться, следуя традиции, к понятиям цивилизации и культуры, спроецировав их на наш сегодняшний день, то в «сухом остатке», как нам представляется, сохранится сравнительно немного. Как некая реальность цивилизация проявляет себя в двух ипостасях – человеческой и технической. Они не равнозначны: и первичной, и определяющей является человеческая компонента цивилизации. Как создание гения человека цивилизация несомненно, *служит* ему, но, что также несомненно: она же и *порабощает* человека.

Фундаментальнейшее свойство цивилизации в ее человеческом измерении состоит в том, что по своей глубинной природе она *антиномична*, есть единство созидания и разрушения, творчества и его отрицания, единство добра и зла. Умудренные опытом многих столетий, сегодня мы можем утверждать это вполне определенно.

Самое кардинальное отличие культуры от цивилизации состоит в том, что культура не порабощает человека и не унижает его, а, напротив, служит человеку и возвышает его. Феномены так называемой массовой культуры, сталкиваясь с которыми нам приходится чуть не ежедневно, начиная с уличной рекламы и кончая разнообразными пассажами и вывертами СМИ, с собственно культурой ничего общего не имеют. Но вот парадокс, одновременно и болезненный и удивительный: эти феномены, находясь безусловно *вне* культуры, наряду с этим, «располагаются», нередко весьма вольготно, *внутри* цивилизации, ею порождаются и охраняются. Парадоксальность ситуации углубляется еще более, если мы не будем забывать, что опять-таки *внутри* цивилизации зарождаются и самые маленькие, только еще пробивающиеся к свету культурные явления, и развиваются, достигая своего расцвета, самые великие культурные феномены. Сложнейшая диалектика взаимодействия цивилизации и культуры еще подлежит тщательному изучению. Она исторически изменчива и конкретна; неоценимый материал в этом смысле могут дать и дают историко-социологические исследования, подобные монографии А. В. Постникова.

На наш взгляд, исследование А. В. Постникова дает историку бесценный материал для будущей реконструкции *зарождения и становления на межцивилизационном пространстве своеобразной горной страны Памир – цивилизации относительно малой, локальной, формировавшейся в конце XIX – начале XX вв. в процессе соперничества и сотрудничества двух глобальных цивилизаций – Российской и Британской империй*. В этом и состоит, как нам думается, суть сверхзадачи, успешно решаемой и в значительной части решенной автором «монографии в документах». По этим причинам книга А. В. Постникова объективно – вне субъективных рамок первоначального замысла и последующей его конкретизации – потенциально далеко выходит за рамки того содержания, которое в ней актуально реализовано.

* * *

Историк науки непосредственно имеет дело прежде всего с эволюцией науки, ее идейно-теоретического содержания (проблем, задач, методов, идей, обобщений, гипотез, теорий и т. д.), а также с эволюцией разнообразных материально-производственных средств, при участии которых это содержание добывается и организуется (инструментарий наблюдений и экспериментов, научно-исследовательские институты, лаборатории, экспедиции, музеи, исследовательские корабли и т. п.). В принципе, историку науки достаточно одной только полной информации о перечисленном выше для реконструкции *обезличенной* ее истории – в ее чистом, так сказать, виде.

Но историк науки, существо беспокойное и любознательное, идет значительно дальше, и в поле своего исследования включает также и человека науки, ее *творца*. Рождение *личностной* истории науки уже стало свершившимся фактом, а ее расцвет, скорее всего, – не за горами.

И как следствие: стирание граней между обезличенной и личностной историями эволюции науки; размывание различий между историей науки в собственном смысле и гражданской, социальной историей как таковой. Следование, мы бы сказали, *личностной доминанте* не только не обедняет историю науки, но, напротив, отражает науку с неожиданных иногда сторон как для самих ее творцов, так и для тех, кто пользуется ее вещественными и духовными плодами.

В исследовании А. В. Постникова личностная доминанта обретает удивительно богатое, разностороннее содержание, раскрывается во множестве проекций. В каждой из них основным действующим лицом является *человек*: не только ученый или путешественник, но и крестьянин, кочевник, солдат, военспец, проводник, разведчик, дипломат, купец, правитель – эмир, хан, бек, губернатор. Каждый из них исполняет свою роль, живет своей жизнью, а в итоге благодаря всем им оживает и очеловечивается величественная горная страна – Памир. Она не застывает во враждебном жителю Земли гордом одиночестве, не отторгает изначально его от себя, но как бы обращается к нему и говорит на понятном ему человеческом языке: «Коли поселился ты у меня на века и десятилетия или навестил меня на краткий миг – то так тому и быть. Но помни: твоя судьба – в твоих же руках, и если будет что-то не так, если случится что-то с тобою, тебе не на кого будет пенять, кроме как на самого себя».

Однако авторам этого очерка однажды пришлось «споткнуться». «Весною 1896 г., – пишет А. В. Постников, – результаты делимитации и демаркации границы России с Афганистаном на Памире были ратифицированы правительствами Великобритании и Российской империи. Практически одновременно один из «главных актеров» «Большой Игры» на Памире, Бронислав Людвигович Громбчевский был снят с должности начальника памирского населения, а его мирза, служивший переводчиком, уволен со службы. На смену *первопроходцам и авантюристам* в этой высокогорной стране пришли регулярные пограничные войска» (с. 416–417).

Во-первых, вызывает, по меньшей мере, недоумение легкость, с какой автор ставит на одну доску *первопроходцев*, с одной стороны, «авантюристов» – с другой. Во-вторых, и это главное, «авантюристов», т. е. бесшабашных искателей приключений на Памире (в погоне за сильными ощущениями или за длинным рублем), на страницах книги мы просто не встретили. Кто эти люди конкретно или хотя бы приблизительно? И каковы основания для того, чтобы их так «обзывать». Все-таки наши теперешние «благословенные» времена существовали не всегда...

На наш взгляд, личностная доминанта обнаруживает себя в монографии А. В. Постникова прежде всего как нечто потенциальное, как некий рабочий инструмент, читательской публикой непосредственно не воспринимаемый, но в творческой мастерской автора играющий по сути решающую роль. Это – психологически и методологически ориентированная в определенном направлении идеальная конструкция, проектировщиком и создателем которой является сам автор. Он – ее единственное действующее лицо и ее главный герой. В этой доминанте-потенции заключена, видимо, одна из глубоких тайн историка, ее сам он, скорее всего, отчетливо никогда не сознает. Она вводит исследователя в мир иной, по-своему мир «запредельный». Его историк творит, погружаясь в себя и тем изменяя и создавая свое мыслящее «Я». Стихийно ученый вступает здесь на указанную русским поэтом дорогу: «Лишь жить в себе самом умей, есть целый мир в душе твоей...».

Но личностная доминанта, естественно, не может быть замкнута на историка как некая вещь в себе. Она закономерно проявляется в действии, которое для историка и есть сам творческий процесс, отчасти отражающийся и закрепляющийся в текстах, в них живут воскрешенные исследователем герои исторической драмы. Такова вторая ипостась личностной доминанты – ее *актуальное* бытие. С этой ипостасью мы, как и прочие читатели, имеем дело.

* * *

Личностная доминанта – в той степени, в какой она проявляется как действие, как реальный творческий процесс историка-исследователя – обнаруживает себя в книге А. В. Постникова в основном (но отнюдь не исключительно) благодаря ориентации автора на трех, пожалуй, самых выдающихся участников «Большой Игры» на Памире (и не на одном только Памире). Это:

Бронислав Людвигович Громбчевский (1855–1926) – выходец из Польши и один из крупнейших исследователей Туркестана, он почти всю свою жизнь

провел в Центральной Азии; в течение нескольких десятков лет Громбчевский честно трудился во благо России, дослужился до звания генерал-майора и должности астраханского губернатора; его заслуги высоко были оценены Императорским Русским географическим обществом, наградившим Громбчевского Золотой и Серебряной медалями.

Ний Илеяс (1844–1897) – крупнейший британский путешественник, географ и дипломат; Илеяс в самых разных ипостасях изъездил огромные пространства Евразии – от Бирмы до Нижнего Новгорода и Персии; путешествий и выпавших на его долю приключений с лихвой хватило бы на дюжину человеческих жизней; награжден Золотой медалью Королевского Географического общества.

Фрэнсис Эдуард Янгхазбэнд (1863–1942) – получил заслуженную известность как офицер-путешественник по Северной Индии и Тибету; его работы в этих районах стали значительным вкладом в развитие географических исследований; типичный британский офицер викторианской эпохи, Янгхазбэнд непоколебимо верил в цивилизаторскую миссию Британии, соединяя в себе черты серьезного ученого-географа, выступавшего нередко в роли первопроходца, и военного разведчика.

Все три героя были крупными личностями, принимавшими деятельное участие в схватке на «Крыше Мира». В сравнении с другими персонажами памирского действия, описаниям нелегких и непростых, зачастую далеко не безопасных «ролей», выпавших на долю Громбчевского, Илеяса и Янгхазбэнда, А. В. Постников уделяет, пожалуй, самое большое внимание на десятках страниц своего исследования. И хотя напрямую, что называется «в лоб», об этом не говорится, но чувствуется, что не одна только научно-познавательная, но по-разному проявляющаяся человеческая (в широком смысле) одержимость трех героев находит в душе автора консонирующий, сочувственный отклик.

Об этом, в частности, свидетельствует посвященное им специальное Приложение «О трех “актерах” Большой Игры» (с. 435–446). В нем автор касается некоторых важных сторон биографий своих героев. В преамбуле к Приложению А. В. Постников пишет: «В борьбе за Памир участвовало много политиков, географов и военных, но трое из них, по нашему мнению, сыграли наиболее существенные роли как в развитии политической интриги, так и в непосредственных географических исследованиях и картографировании района. Это – Бронислав Людвигович Громбчевский, Ний Илеяс и Фрэнсис Янгхазбэнд. Нам представляется, что приведенные ниже сведения о жизни и деятельности этих очень разных, но в равной степени незаурядных исследователей могут добавить некоторые *эмоциональные штрихи* к пониманию истории “схватки на Крыше Мира”» (с. 435).

В контексте обсуждаемой здесь проблемы «личностной доминанты», *вполне самостоятельный* исторический, этический, психологический, отчасти философский интерес представляют впервые опубликованные А. В. Постниковым на русском языке архивные документы, относящиеся к завершающим годам жизни Громбчевского и Янгхазбэнда, когда оба друга-соперника отошли от активной деятельности в качестве географов – исследователей и путешественников, военных и разведчиков.

* * *

Тяжело, если не сказать трагично, сложилась судьба Б. Л. Громбчевского.

«В своей карьере, – пишет А. В. Постников, – Громбчевский достиг звания генерал-майора и должностей атамана казачьих войск и астраханского губернатора. За время службы Громбчевский неоднократно попадал в немилость из-за независимого характера и нескрываемых либеральных взглядов, которые в 1905 г., по-видимому, послужили причиной увольнения в отставку с правом выезда за рубеж «для поправления здоровья». В 1908 г. он, в качестве представителя российского Красного Креста, находился в Марокко во время революционной войны Моу-лай Абд аль-Хафида против испанцев и французов, закончившейся официальным признанием в 1909 г. главы повстанцев в качестве султана. По окончании войны Б. Л. Громбчевский возвратился в Польшу, где работал в Государственном институте метеорологии и *писал по памяти труды* об экспедициях по Центральной Азии и своей службе в России. Революция 1917 г. застала Громбчевского в Варшаве» (с. 437).

Далее приведем полностью потрясающей силы документ (сказать иначе невозможно): письмо Громбчевского из Варшавы Янгхазбэнду в Лондон от 29 января 1925 г.:

«Давно я не испытывал такого большого удовольствия, как при получении Вашего письма. Я писал Вам в декабре прошлого года. Мое письмо, так же как и две книги, были адресованы Географическому обществу в Лондоне, так как Ваш личный адрес мне был неизвестен. Теперь я попросил своего издателя послать Вам другие копии книг, и я надеюсь, что на этот раз Вы их получите. Из письма господина Чарновского я узнал, что Вы пообещали не только поговорить с Вашим издателем о публикации моих работ на английском языке, но, более того, согласились написать предисловие к ним, что, конечно, будет иметь громадную важность. Вы можете догадаться, насколько я был тронут, услышав это, и я искреннейше благодарю Вас за этот знак дружественных чувств.

Революция в России лишила меня всего, чем я обладал, всего, что могло бы обеспечить для меня мирное и независимое существование в старости. И, однако, я трудился упорно и честно для нее в течение 37 лет службы в России...

В добавок ко всему вот уже полтора года у меня тяжелое заболевание сердца, и я не покидаю своей комнаты. Часто я даже не могу подняться с постели без посторонней помощи.

Как видите, мой дорогой Генерал, моя долгая жизнь кончается весьма печально...

Тем более я ценю доказательство Вашего интереса и, посылая Вам свои наилучшие пожелания, я остаюсь, мой дорогой Генерал, истинно Ваш, Б. Громбчевский» (с. 437–438).

«Из приведенного письма видно, – пишет автор книги, – что ранее Громбчевский послал два тома своего труда о Кашгарии в Королевское Географическое общество, и Янгхазбэнд согласился помочь с публикацией этой работы на английском языке. Заметим, что британский и российский путешественники вели переписку по-персидски, так как фарси для них был, наряду с французским, общим языком. Из последующих писем становится ясно, что *труды Громбчевского были переведены на английский язык и готовились к*

публикации, которая так и не осуществилась. Наши попытки найти в британских архивах текст перевода не увенчались успехом.

Последнее письмо Громбчевского Янгхазбэнду проливает некоторый свет на причины создания труда «Кашгария» и использованные в нем источники. По этому поводу Б. Л. Громбчевский сообщает, в частности, следующее:

«...Пользуясь возможностью, я упомяну, что дневники моих путешествий, письма от различных правителей Центральной Азии ко мне и т. д. и т. п. – все это осталось в Большевии. Я писал в большей части по памяти, используя иногда выдержки из моих писем в Географическое общество, которые в свое время были опубликованы в трудах Общества. К счастью, соответствующие номера могли быть найдены в библиотеке Общества.

Я был вынужден обратиться к этой работе в возрасте 70 лет и через 36 лет после моих путешествий – в противном случае я бы остался без средств к существованию. В конечном итоге, я рад, что эти тяжелые обстоятельства вынудили меня сделать определенный вклад в литературу моей родной страны. Вся польская пресса встретила три тома моей работы с величайшей благожелательностью...»

Бронислав Людвигович Громбчевский скончался в Варшаве летом 1926 года (с. 438–439).

Значительно благоприятнее сложилась жизнь Фрэнсиса Янгхазбэнда после прекращения им в начале XX в. географических исследований. Он «продолжает активное сотрудничество с Королевским Географическим обществом» (с. 445). Но, пожалуй, главное – в духовной эволюции Янгхазбэнда наступает качественно новый этап: он обращается к таким проблемам, которые, будучи бесспорно важными в то время, в наши дни приобрели неизмеримо большую актуальность. Можно сказать, что Янгхазбэнд, – сам, видимо, об этом не подозревая, – по существу опередил свое время. В чем-то его раздумья перекликаются с религиозно-этическими размышлениями «позднего» В. И. Вернадского...

«Ряд неопубликованных рукописей Янгхазбэнда, – пишет А. В. Постников, – свидетельствует о том, что он размышлял над гуманитарными аспектами географии; в частности, в Архиве Правления Индии сохранилась его работа «Искусство в географии», где, помимо весьма необычных и прогрессивных для того времени разработок в области картографической генерализации, большое внимание уделяется эстетическим аспектам географических исследований и делается вывод о том, что «ни одна наука не может обойтись без искусства, а особенно – география». Позже, однако, собственно географическая наука уходит в работах Янгхазбэнда на задний план, уступая место мистицизму и поискам некоей новой формы религии, объединяющей все существующие и призванной обеспечить моральное возрождение человечества.

Сам Янгхазбэнд объясняет свое обращение к этически-религиозным проблемам опытом его длительных и тяжелых экспедиций. Уже в 1889 г., в разгар Памирского кризиса, он замечает по этому поводу следующее: «Я очень хорошо знаю, что бродячая жизнь, которую я веду, сделала меня значительно менее искренним, чем прежде, в моей религии, хотя моя тяжелая жизнь во время путешествий привела меня к более сильной вере в Бога и показала мне реальное практическое использование религии в минуту нужды и испытаний».

В этот же период Фрэнсис Янгхазбэнд знакомится с идеями богоискательства Л. Н. Толстого, которые на многие годы стали одним из главных направлений религиозно-этических изысканий английского путешественника.

Соприкоснувшись во время своих странствий со всем многообразием религиозных воззрений азиатских народов, их богатым духовным наследием и обрядностью, Янгхазбэнд очень хорошо осознал также, что это разнообразие в сочетании с нетерпимостью, а иногда и враждой между представителями разных верований, очень часто приводило (и, к сожалению, приводит до сих пор) к острым конфликтам и стойкой вражде между представителями разных религий.

Отсюда у Фрэнсиса Янгхазбэнда возникла идея необходимости обеспечения общения между представителями различных религий, которое, по его глубокому убеждению, может привести к установлению духовной гармонии и мира между народами. Позже идея постижения духовной сущности мира через общение с природой и объединение всех религиозных верований человечества становится основой сочинений Янгхазбэнда.

В 1936 г. для того, чтобы обеспечить распространение своих религиозно-этических воззрений, Фрэнсис Янгхазбэнд организовал в Лондоне первый Всемирный конгресс верований, который с тех пор функционирует как международная благотворительно-просветительская организация, основной целью которой является обеспечение возможности познания религий и духовной обрядности народов мира путем активного межконфессионального общения во время конференций, совместных паломничеств и визитов в различные страны. Основанное Янгхазбэндом Общество пытается проводить в жизнь весьма актуальные для современного человечества идеи взаимопонимания народов с разными религиями для улучшения общения между ними в целях морального и духовного обновления, а также обеспечения прочного мира» (с. 445–446).

На наш взгляд, трех героев монографии А. В. Постникова мог бы вполне уравновесить, а в чем-то и перевесить еще один герой, никоим образом не испортивший бы общего впечатления о всей «компании», – Андрей Евгеньевич Снесарев (1865–1937), выдающийся географ и путешественник, памировед, на рубеже XIX–XX вв. внесший неоценимый вклад в историю Памира, в познание его природы и его обитателей. К сожалению, имя А. Е. Снесарева на страницах монографии А. В. Постникова мы не встретили даже единожды³.

* * *

Несколько лет тому назад, по случаю (не имевшему никакого отношения ни к настоящему тексту, ни к Памиру вообще) довелось одному из нас бегло полистать «книжку приказов» М. Д. Скобелева. Из одного текста следовало, что генерал, проживший столь короткую и полную опасностей жизнь, успел побывать даже на Памире. Никогда ранее ничего подобного в биографии Скобелева не приходилось ни читать, ни слышать... Вопрос, к тому же возникший случайно, оставался открытым. Побудительных мотивов искать ответ на него не было. Вспомнить о приказе Скобелева заставила монография

³ О нем например см.: Мочалов И. И. А. Е. Снесарев – человек, ученый, исследователь Памира // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция. 2004. М., 2004. С. 490–493.

А. В. Постникова. Разыскать его вновь особого труда не составило. Приводим его текст только в небольшой части, в которой упоминается Памир:

21 февраля 1881 г. Приказ № 67. После неимоверных трудностей почти неисполнимого перехода Туркестанский отряд вошел в пределы Ахал-Текин-ского оазиса в полной боевой готовности и перед открытием военных действий вступил в состав вверенных мне войск... Туркестанцы на деле показали, что они те же молодцы, какими я их знал во время моей службы в Средней Азии. После первых боев с неприятелем я узнал родной фронт, узнал те боевые сноровки, тот порядок, какие привык видеть: под Хивой, Махрамом, Наманганом, Андижаном, Балыкчами и на снежных вершинах Памира ⁴.

В книге А. В. Постникова, похоже, дается исчерпывающий ответ на вопрос о том, *когда и чем* занимался генерал со своими «молодцами-туркестанцами» на снежных вершинах Памира за несколько лет до начала военных операций русских войск в Закаспийском крае под его командованием. Впервые публикуемые автором архивные документы вполне однозначно доказывают, что *«интенсивные исследования и съемки Памира русские географы и военные топографы начали проводить сразу по присоединении Кокандского ханства к России (1876 год)*. Одной из главных побудительных причин этих работ была *необходимость установления территориальной протяженности на юг районов, на которые распространял свою юрисдикцию Коканд»* (с. 186). «Уже 21 марта 1876 г., – продолжает автор, – небольшой русский отряд провел рекогносцировку в Алайской долине. 15 июля 1876 г. в этот район и предгорья Памира отправилась *военно-научная экспедиция под командованием М. Д. Скобелева (!)*. В экспедиции участвовали географы и натуралисты Бонсдорф, Лебедев, Костенко, Коростовцев, Ошанин и др. Отряды экспедиции обследовали Алайскую долину и северный Памир (...) Сам Скобелев в том же году совершил поездку к кашгарской границе» (с. 187).

В письме – фактически деловом отчете – к своему непосредственному начальнику, туркестанскому генерал-губернатору К. П. фон Кауфману (автор приводит обширные выдержки из него) Скобелев описал результаты своей поездки, остановившись на них и в сводном «Донесении об Алайском походе». «Уяснив границы прежней территории Кокандского ханства (до захватов Якуб Бека) и основываясь на различных стратегических соображениях, Скобелев пришел к выводу о необходимости и правомерности со стороны России «*владеть всею горною полосой*»... Этот вывод *совпадает с заключениями английских политиков, занимавшихся изучением вопроса государственной принадлежности территорий Памира еще в 1869–1873 гг.*» (с. 189–190).

Создается впечатление (вероятно, оно недалеко от истины), что на Памире М. Д. Скобелев проявил себя с несколько неожиданной для сознания среднего российского обывателя стороны. Храбрый генерал, увлекавший за собой в бою солдат и офицеров, представляется не только сугубо мирным человеком, но и *в известной степени исследователем-профессионалом*: географом, топографом, геодезистом, картографом..., и даже... историком, социологом и просто государственно мыслящим русским гражданином. В этом может убедиться и читатель, познакоившись с соответствующими страницами монографии А. В. Постникова (с. 187–196).

⁴ Приказы генерала М. Д. Скобелева (1876–1882). V. Приказы по войскам, действующим в Закаспийском крае (1880–1881). СПб., 1913. С. 136.

Не исключено, что действенный интерес М. Д. Скобелева к Памиру, приведший к определенным плодотворным результатам, в *какой-то мере* подогревался не оставлявшими его мечтами похода русских на Индию. Но какова была реально эта «мера» и насколько мечтам (или планам) своим Скобелев придавал серьезное значение – на эти и аналогичные вопросы мы на сегодняшний день ответа не находим.

Интереснейшие, если не сказать захватывающие, страницы этому растянувшемуся практически почти на целое столетие историческому «эпизоду» взаимоотношений России и Англии посвящают в своих книгах А. В. Постников и А. Е. Снесарев («Индия как главный фактор в Среднеазиатском вопросе», 1906 г.). Несмотря на значительную дистанцию, их разделяющую (100 лет), обе книги в чем-то удивительно гармонично дополняют друг друга, и на сегодняшний день остается только пожалеть, что еще не издан солидный обобщающий труд по этой «щекотливой», но, наверное, далеко еще не потерявшей интереса и по-своему поучительной теме. Думается, что на первых порах издание сборника документов, относящихся к этому «эпизоду», было бы весьма желательным. Впрочем, не с этого ли и следовало бы начинать?

Однажды довелось прочесть в одном очерке, посвященном Скобелеву, что он сильно горевал по случаю трагической гибели Александра II так же и по той причине, что он лишался надежды на поддержку со стороны верховной власти своих планов победоносного похода на Индию. Об этих планах, – правда, очень глухо, – пишет А. Е. Снесарев:

«Если наших планов завоевания Индии и было числом не мало, то качество их было одинаково сомнительно; торопливость, гадательность и игра с данными обстановки были отличительной чертой всех их. Не говоря уже про план императора Павла, план, который, по остроумному замечанию Николая Александровича Аристов, скорее “относился к области психиатрии” (*Аристов Н. А. Доклад в Обществе востоковедения 5 октября 1905 г. // Протоколы Комиссии по изучению Афганистана и Индии за 1905 г. СПб., 1906, с. 60*), даже последующие планы – Чихачева, Хлудова, *Скобелева* – вызывают на многие замечания»⁵.

Вопрос о том, насколько реальными или, напротив, сугубо авантюристичными были эти планы – имея в виду, конечно, не начало XX в., а более раннее время, – вряд ли потомками может быть *в принципе* решен когда-нибудь окончательно. Такое его разрешение становится еще более проблематичным, если учитывать при этом позицию «страдающей стороны», т. е. Индии, ее населения и различных его слоев в разные исторические времена. В этом контексте серьезного внимания заслуживает относящееся к рубежу XIX-XX вв. свидетельство Снесарева относительно того, что «*как во всей Средней Азии, так и особенно среди туземцев Индии, живет поверие, что избавление этой страны придет с севера*»⁶.

Если применительно к «туземцам Индии» это поверие таким по сути дела и осталось, отойдя затем в прошлое, то в отношении «туземцев Памира», – во всяком случае, определенной и, наверное, немалой их части, – дело обстояло далеко не столь однозначно. Книга А. В. Постникова естественным образом

⁵ Снесарев А. Е. Индия как главный фактор в Среднеазиатском вопросе. СПб., 1906. С. 27. Курсив наш. – И. М., В. С.

⁶ Там же. С. 29.

и без всяких натяжек подводит к выводу о том, что уже с середины XIX в. *рос- сийская цивилизация (в некоторых отношениях в содружестве с цивилизация- ми, в особенности англичан, отчасти – китайцев и афганцев) начинает ока- зывать, пользуясь предлагаемой также и Снесаревым терминологией, все большее влияние на судьбы местных «туземцев», и избавление коренного на- селения этой страны от варварства в разных его проявлениях (работоторговля и др.) на две трети, возможно и более, действительно «пришло с севера», из России, и благодаря главным образом ей.*

* * *

Народные массы – главная движущая сила истории, *субъект* социального прогресса. Таковы исходные положения «исторического материализма» в той его части, в которой он обращается к народу и его роли в истории. Несомнен- но, в этих положениях много верного, соответствующего историческому опы- ту человечества и опыту отдельных стран и регионов. Однако настаивая на определяющей роли народа в истории, марксизм невольно перешел допусти- мую грань преувеличения, вследствие чего «за кадром» осталась вторая, не менее, а в ряде случаев еще более важная сторона проблемы. Суть ее состоит в том, что, в силу ряда обстоятельств, корнями своими уходящими зачастую в «седую старину», народ выступает не только в роли субъекта истории, но и в роли ее *объекта* – пассивного, страдающего, не столько *живущего* полноцен- ной жизнью, сколько в полном смысле *выживающего*... При этом в разное время и в разных условиях господствующая тенденция народного бытия не складывается отнюдь по жесткой формуле «или-или» в ее чистом виде: «или субъект, или объект». Выводя ту или иную «равнодействующую», История кладет на свои весы множество разнокачественных факторов, среди которых давно на слуху, например, такие, как: численность населения, природные ус- ловия его бытия, социальный строй, политические, культурные и иные тради- ции, соседи и взаимоотношения с ними и многие другие.

Понятно, «народ памирский» сам по себе не является самостоятельной те- мой исследования А. В. Постникова. Сведения автора о нем фрагментарны, но они безусловно заслуживают того, чтобы представить хотя бы некоторые из них.

«Памир, – пишет автор, – принадлежит к слабонаселенным районам земно- го шара. В его восточной части живут тюркоязычные киргизы, в западных до- линах – горные таджики и другие народности таджикской группы. Горные таджики являются мусульманами, шиитами-исмаилитами (...) Из обитателей восточных районов три пятых кочует в ходе сезонной смены пастбищ. Ост- атальные обитатели Памира – оседлые земледельцы и скотоводы. Высокогор- ное скотоводство практикуется в Восточном Памире (...) По меньшей мере на ранних этапах своей истории памирские народы были более тесно связаны с народами Центральной Азии и Восточного Туркестана, нежели с Афганиста- ном и Индией. Одной из причин этого были громадные горные хребты, за- труднявшие контакты на южной и западной границах (...) Все европейские ис- следователи и политики подчеркивали отсутствие религиозного фанатизма и воинственности как у кочевников-киргизов, так и у оседлых таджиков Пами- ра. Ний Илеяс подчеркивает: “Нигде в Азии невозможно найти более миро-

любивого, безобидного и приятного народа, чем эти таджики с верхнего течения Аму-Дарьи...". В то же время русские исследователи отмечали исключительную выносливость, трудолюбие и терпение памирских народов (...) Коренные жители Памира *привыкли к иностранным нашествиям и грабежам*. Для того чтобы *уменьшить* количество таких набегов, памирское население было готово провозгласить свою *зависимость* от любого более сильного народа, который пожелал бы претендовать на эти суровые высокогорья. В течение всего XVIII в. и в начале XIX в. окружающие Памир исламские государства иногда выдвигали свои притязания на его земли или народы (...) Афганские государства в течение большей части XIX в. *почти непрерывно совершали налеты на южнопамирские княжества, главным образом для угона населения в рабство*» (с. 49, 52, 61).

Автор приводит обширные выдержки из интереснейших отчетов Ния Илеяса середины 1880-х гг. В одном из них Илеяс отмечал, что «для народа типа памирских киргизов *платить дань двум или более государствам*, которых они боятся, не является чем-то новым в Центральной Азии, и часто это лишь способ *нейтрализовать возможных врагов*». И далее: «Правители долинных княжеств Памира нередко использовали беззащитных кочевников высокогорий, – пишет Постников, – *в качестве живого товара для рынков работорговли*» (с. 263, 267).

* * *

Знакомство с монографией А. В. Постникова обогащает читателя новой, ранее ему неизвестной и физически просто недоступной конкретно-исторической «фактологией», что само по себе уже представляет бесспорную ценность. Но более важно другое: книга наталкивает на размышления и *общественно-исторического характера*. На наш взгляд, самым существенным является вполне вероятный вывод о том, что *в конце XIX – начале XX вв. окончательно сформировалась русская ориентация на всесторонний цивилизационный и культурный подъем азиатской России, что в конечном счете и определило в это переломное время поворот Памира на «тропу цивилизации», во всяком случае – начало такого поворота.*

Пожалуй, наиболее глубоко и *программно* «русская ориентация» нашла отражение в начале 1917 г. в замечательной статье академика В. И. Вернадского «Задачи науки в связи с государственной политикой в России». В V разделе статьи Владимир Иванович писал: «Россия по своей истории, по своему этническому составу и по своей природе – *страна не только европейская, но и азиатская*. Мы являемся как бы *представителями двух континентов, корни действующих в нашей стране духовных сил уходят не только вглубь европейского, но и вглубь азиатского былого; силы природы, которыми мы пользуемся, более связаны с Азией, чем с Европой*, и мне кажется, что название Восточной Европы, которая почти совпадает с понятием Европейской России, далеко не охватывает всего того различия, какое представляет сейчас наше государство в общем сонме европейских стран. Для нас Сибирь, Кавказ, Туркестан – *не бесправные колонии*. На таком представлении не может быть построена база русского государства (...)

Для нас, в отличие от западных европейцев, *возрождение Азии, т. е. возобновление ее интенсивного участия в мировой жизни человечества, не есть чуждый, сторонний процесс, – это есть наше возрождение* (...)»

Необходимо более тесное общение России с жизнью Азии. И в этом направлении должна сознательно идти государственная деятельность, этими стремлениями должна определяться государственная политика. Одной из *первых и главнейших ее задач должно являться участие России и русских в культурном и духовном подъеме Азии*, культурное наше сближение с азиатами. Одним из самых могучих средств для этого должно быть широкое наше участие в *научном изучении Азии* (...)»

Нельзя забывать одного. *Естественные производительные силы Азии в едва ли сравнимой степени превышают естественные производительные силы Европы*; в частности, в нашей стране Азиатская Россия не только по величине превышает Россию Европейскую. Она превышает ее и по *потенциальной энергии*. По мере того, как начинается правильное использование наших естественных производительных сил, центр жизни нашей страны будет все более и более передвигаться, как это уже давно правильно отметил Д. И. Менделеев, на Восток, – должно быть, в южную часть Западной Сибири. Россия во все большей и большей степени будет расти и развиваться за счет своей азиатской части, *таящей в себе едва затронутые зиждительные силы*. Это должна всегда помнить здравая государственная политика, которая должна *смотреть всегда вперед, в будущее*»⁷.

* * *

Конечно, говоря об Азиатской России, В. И. Вернадский имел в виду также и горную страну Памир и прилегающие к ней территории, в первую очередь – район Ферганы. Случайности в этом не было. Еще в самом начале XX в. Памир-Фергана (как и Туркестан в целом) привлекают внимание Вернадского в геолого-минералогическом отношении.

Летом 1911 г. по инициативе и под руководством В. И. Вернадского в Императорской Санкт-Петербургской академии наук была организована специальная экспедиция, задачей которой было исследование месторождений радиоактивных минералов в Азиатской России, в том числе и на территориях, примыкавших к Памиру, либо расположенных относительно недалеко от него (Фергана, Приалайские горы, Забайкалье и др.)⁸. Непосредственно на Памире В. И. Вернадский не был, но в своих трудах он широко использовал посвященную Памиру и Азиатской России научную литературу, особенно исследования русских ученых – геологов, минералогов, географов (И. В. Мушкетова, В. А. Обручева, В. Ф. Ошанина, Н. А. Северцева и др.)

Таким образом, как это не может показаться странным на первый взгляд, русская ориентация на подъем («возрождение», по терминологии В. И. Вернадского) Азиатской России, в своей принципиальной, по сути программной,

⁷ Вернадский В. И. Задачи науки в связи с государственной политикой в России. 1917 // Вернадский В. И. Публицистические статьи. М., 1995. С. 246–247.

⁸ Вернадский В. И. О необходимости исследования радиоактивных минералов Российской империи (1914) // Вернадский В. И. Избр. соч. М., 1954. Т. I. С. 570–619.

части наиболее полно и глубоко была осознана и выражена не социологом, политическим деятелем или философом России, а *естествоиспытателем*. Однако эта «странность» сходит на нет, если принять во внимание, что естествоиспытатель этот был также и *крупным политиком*, выразителем тревог и надежд *либеральной* части российской интеллигенции, т. е. *подавляющего ее большинства*.

* * *

«Процесс образования внутреннего рынка в России в XIX в. пошел не столько путем развития капитализма вглубь, развития и капиталистического земледелия и капиталистической промышленности в одном и том же районе, сколько путем развития капитализма вширь. Отсюда – страстная погоня за территориальными приобретениями на Востоке. На Восток, на обширные рынки Азии простирает свои корни молодой русский капитализм. “Я вижу высокую и идеальную задачу России в том, чтобы быть носительницей культуры на Дальнем Востоке, – писал князь Э. Ухтомский, – дать материальное и духовное благополучие сотням миллионов жителей азиатского материка. Для всероссийской державы нет другого выхода: или стать тем, чем она от века призвана быть – мировой силой, сочетающей Запад с Востоком, или бесславно и незаметно пойти по пути падения, потому что Европа сама по себе нас в конце концов подавит внешним превосходством своим, а не нами пробужденные азиатские народы для русских со временем будут еще опаснее, чем западные иноплеменники” (*Эспер Ухтомский*. К событиям в Китае. Об отношениях Запада и России к Востоку. СПб., 1900)»⁹.

«Много еще нужно для того, – писал В. В. Бартольд, – чтобы русская культура заняла в Туркестане подобающее ей место... В крае с культурно инородческим населением культурное «государственное строительство» немыслимо без внимательного и вдумчивого отношения к местной культуре, без стремления изучать памятники этой культуры на основании научно установленных данных, не довольствуясь рассказами и произвольными мнениями отдельных лиц»¹⁰.

В самодержавной России «русская ориентация» не могла рассчитывать на успех без поддержки ее со стороны верховной власти, пусть поддержки вынужденной, частичной и не всегда и не во всем по-настоящему осознанной, в чем-то даже стихийной. Но именно этот процесс, безусловно, начался на рубеже XIX–XX вв., скорее всего и ранее, в правящей элите России, включая трех последних русских самодержцев. Нам неизвестно, существуют ли в отечественной историографии специальные исследования, посвященные этой теме. Однако ни в «монографии в документах» А. В. Постникова, ни в иных источниках мы не обнаружили свидетельств того, что на «азиатском направлении» в пределах Российской империи самодержавие сознательно взяло на вооружение в качестве *долговременного*, иными словами, *стратегического курса* политику ужесточения, или, как иногда говорят, «завинчивания гаек». От-

⁹ Клейнборт Л. Русский империализм в Азии. СПб., 1906. С. 4–5.

¹⁰ Бартольд В. В. Будущее Туркестана и следы его прошлого. 1914 // Бартольд В. В. Работы по исторической географии. М., 2002. С. 306.

дельные эпизоды, пусть и достаточно частые, как будто об этом свидетельствующие, нам кажется, не меняют общей картины, так как они, как правило, вызывались чрезвычайными обстоятельствами, связанными с революцией 1905–1907 гг. и начавшейся вскоре Первой мировой войной. Напротив, есть основания полагать, что в «высших сферах» в отношении Азиатской России стал все более четко *обозначаться курс в духе либеральной «русской ориентации»*. Исторически это было, скорее всего, *неизбежно*, хотя складывавшаяся в тех условиях в целом картина была достаточно сложна и противоречива, и, вероятно, в разных регионах огромной империи процессы протекали далеко не идентично. Сошлемся на один, собственно «памирский», пример.

Исторически Западный Памир попал в свое время под власть Бухарского эмирата, находившегося с 1868 г. в вассальной зависимости от Российской империи. Россия, таким образом, фактически несла ответственность за коренное население Западного Памира после его присоединения к империи в 1892 г. (что было верно и в отношении Восточного Памира). Туземцы Западного Памира продолжали оставаться под властью Бухары, и их положение ухудшалось из-за притеснений бухарских наместников. На это обстоятельство с тревогой, если не сказать с возмущением, обращали внимание начальники русских Памирских отрядов, отмечавшие резкое несоответствие такого положения вещей с позицией верховной российской власти. «*Священная воля Государя Императора в здешних местах нарушается*», – писал А. Е. Снесарев в рапорте от 16 октября 1902 г.¹¹ Более чем вероятно, что для столь ответственного заявления у начальника Памирского отряда были веские основания.

Из сказанного выше можно сделать вывод, что «русская ориентация» являлась, конечно, *силой*, но силой *идеальной*, и сама по себе, – так сказать, в одиночку, – не могла привести Памир к повороту на тропу цивилизации, хотя и без нее такой поворот также не мог стать реальностью. Идеальная (или, может быть, вернее будет сказать: *идейная*) сила давала некое общее, в известном смысле абстрактное направление движения, обозначала пунктирно его вектор. Но не более того. Эта сила должна была соединиться с *волей верховной власти*, какая и призвана была актуализировать «русскую ориентацию», *материализовать* ее. Таковы были *необходимые* предпосылки начала эволюции Памира в сторону цивилизации. Но это были предпосылки *необходимые, но не достаточные*. Следовало найти конкретные механизмы взаимодействия идейной установки и верховной политической воли. Естественно, как это случается сплошь и рядом, такие механизмы «подказала», точнее выработала, сама жизнь, сама «памирская история» второй половины – конца XIX в. и начала XX в.

* * *

С присоединением Памира к России сама История возложила на нашу страну двоякого рода обязанность: во-первых, *охранительную* – сберечь то, что «передано» было России природой и населением Памира; во-вторых, *творческую* – пополнить и развить доставшееся Российской империи «наследство». Исполнение этих обязанностей на первых порах легло почти целиком на рос-

¹¹ Цит. по: Халфин Н. А. Россия и Бухарский эмират на Западном Памире (конец XIX – начало XX вв.) М., 1975. С. 58.

сийские военные отряды и их «филиалы» – военизированные территориальные посты, создававшиеся в разных «точках» Памира.

«На рубеже XIX и XX веков Памир переживал один из самых трагических периодов своей долгой истории (...) На Памире особенно бесчинствовали чиновники отсталого Бухарского эмирата. Доведенные до отчаяния, жители Бадахшана *искали защиту у русских*, и не случайно: русские офицеры, служившие на границах империи, в большинстве своем *были выходцами из демократических слоев общества, воспитанных в гуманных традициях*. Царское правительство предпочитало держать этих людей подальше от центральных губерний»¹².

«Бедный, труднодоступный, малонаселенный Памир не обладал какой-либо притягательностью для России, хотя стратегическое положение его было неоспоримо. Размышляя о судьбах памирских народов, таджикский историк М. Н. Назаршоев писал: “...Жители Западного и Восточного Памира с давних пор стремились воссоединиться с Россией. ...Борьба между Англией и Россией за Памир закончилась в 1895 году присоединением этого отдаленного края к России. Агрессивная захватническая деятельность англичан с целью захвата Памира потерпела полное поражение. *Народы Памира, в отличие от некоторых народов Средней Азии, добровольно присоединились к России. Присоединение к более развитому государству, к России, исходило от отсталых, слабо развитых припамирских народов и отвечало их интересам. Такой шаг, безусловно, является прогрессивным.*»

Важнейшим и главным последствием добровольного присоединения Памира к России явилось политическое, экономическое и культурное общение со всеми народами Средней Азии и с русским народом (...) В результате постоянного общения и сближения трудящихся Памира с русским народом было положено начало тесной дружбе между ними (...)

Прогрессивное значение присоединения Памира к России заключалось еще в том, что *были прекращены опустошительные феодальные междоусобные войны, ...была ликвидирована работорговля. В это время получили развитие товарно-денежные отношения, в экономическую жизнь начали проникать элементы капиталистических отношений, усиливались тесные экономические связи Памира с Россией, несколько ускорилось развитие производительных сил края (...)* Присоединение Памира, как и всей Средней Азии, к России имело прогрессивное значение и для духовной жизни трудящихся Памира (...) Трудящиеся массы Памира были кровно заинтересованы в присоединении Памира к России” (Назаршоев М. Н. Очерки по истории Советского Бадахшана. Душанбе, 1985, с. 60–62)»¹³.

На наш взгляд, в этом широком во времени и пространстве социально-историческом контексте еще более выпукло высвечивается выдающаяся роль российских отрядов на Памире (о чем, хотя и фрагментарно, пишет А.В. Постников в своей книге). Тем более, если помнить, что жизнь служивших в отрядах русских солдат и офицеров в суровых условиях горной страны была далека от идиллической.

¹² Асимов М. С. К читателю // Гаврилюк Александр, Ярошенко Виктор. Памир. М., 1987. С. 7.

¹³ Гаврилюк, Ярошенко. Памир... С. 97–98.

А. Е. Снесарев по этому поводу отмечал: «Врач, прикомандированный к Памирскому отряду в 1896–97 гг., в статье “Об изменении состава крови у здоровых людей под влиянием горного воздуха” писал: “Отдаленность от населенных пунктов, трудность сообщения, малочисленность гарнизона, отсутствие в отряде женского элемента – все эти условия делали продолжительное пребывание на Памире крайне утомительным, монотонным и убийственно скучным, так что, несмотря на разные преимущества службы, большинство чинов Памирского отряда тяготилось такой жизнью и с нетерпением ждало смены и возвращения в Фергану. У многих под конец пребывания нервная система была крайне утомлена, сильно развилась раздражительность. Благодаря своевременным и широко принятым мерам, санитарное состояние отряда все время было прекрасное, не наблюдалось ни одного серьезного заболевания, ни одного случая малокровия или цинги. Люди как ушли из Маргелана, так и возвратились через 15 месяцев в совершенно здоровом состоянии» (Военно-медицинский журнал, 1899, № 5).

К этому объективному суждению доктора мы можем заметить, что тягостное влияние памирской обстановки нам приходилось наблюдать только на офицерах, но почти нигде на нижних чинах, ни на одном из самых уединенных постов. Но автор упустил один фактор, влияющий на настроение, – это ветер, непрерывный и монотонный, вой которого производит самое тягостное впечатление на людей»¹⁴.

Вот еще одно яркое высказывание А. Е. Снесарева:

«...Жизнь русских памирцев в военных отрядах отмечена оригинальностью; в ней много своеобразного, ей лишь присущего. Это своеобразие сказывается на интересах памирцев, на их повседневных темах, на их знакомствах и общении.

Люди на всем белом свете занимаются политикой; любим заняться ею и мы, памирцы, но только содержание наших политических бесед составляет не Европа с ее жизнью и веяниями, не Вильгельм, ни даже кругом обманутые жалкие буры; у нас свои более близкие азиатские темы: нас интересует Афганистан, северная Индия, а более всего первый.

⟨...⟩ Наше общество и местные люди, с которыми мы имеем дело, – все без исключения “халатники”; они часто обедают у нас в Памирском отряде, пьют чай, и круг наших бесед и тем составляет нечто среднее арифметическое между тем, что интересует нас, памирцев, и что интересует наших оригинальных посетителей; применять русский язык становится возможным лишь при помощи переводчиков, поэтому часто пускается в ход язык тюркский, а в иных (правда, редких) случаях и персидский. Кроме подобных обычных посетителей иногда приходят к нам гости случайные, беглецы из соседних стран, – прохожие, темные люди.

⟨...⟩ Как ни сурова обстановка жизни русских памирцев, как ни жестока она, но и она не лишена своих интересов и прелестей. Кроме дела, живого и разнообразного, памирцам выпадает на долю жить в таких районах, которые еще не разгаданы ни в настоящем, ни в их прошлом. И если от наших текущих работ мы поднимаем взор на окружающее, то перед нами встает бесконечная цепь вопросов, и все будит в нас любопытство; все загадочно, многое увлека-

¹⁴ Снесарев А. Е. Северо-Индийский театр (Военно-географическое описание). Ч. I. Ташкент, 1903. С. 99–100.

тельно и красиво; а когда мы пробуем оглянуться на прошлое наших стран, то из глубины его поднимаются столь интересные, родственные и туманно поэтические картины, что все суровое и жестокое в нашей обстановке отходит на второй план, и в новом занятии мы находим отраду и успокоение»¹⁵.

На рубеже XIX–XX вв. русские пограничные отряды дали первый толчок к решительному повороту Памира на «тропу цивилизации». Стал ли этот поворот реальностью, развившейся в полную силу? Сложности, драматические коллизии истории Памира в XX в. (как, впрочем, и истории всей Средней Азии) не позволяют ответить на этот вопрос полностью утвердительно, либо потребуют сопроводить положительный ответ, если таковой вообще возможен, различными оговорками и уточнениями.

Мы вынуждены не без сожаления отметить, что интереснейшая и поучительная (особенно для молодежи) история русских военных отрядов на Памире на рубеже XIX–XX вв. не получила у автора желательного – и должного – освещения хотя бы в относительно систематизированном виде. Более тридцати лет тому назад попытку решить эту непростую задачу предприняли журналисты-исследователи А. А. Гаврилюк и В. А. Ярошенко. На их фундаментальный труд «Памир», вышедший в 1975 г. в издательстве «Планета», мы ссылались в этом отзыве. Однако по непонятным причинам А. В. Постников даже не счел нужным включить это исследование в свой список литературы. А ведь книга А. А. Гаврилюка и В. А. Ярошенко основывается на обширном материале как российских государственных, так и семейных (например, семьи Снесаревых) архивах. И, между прочим, оба исследователя предприняли интереснейшую поездку непосредственно на Памир, поделившись на страницах книги с читателями своими впечатлениями и раздумьями.

* * *

Завершая этот очерк – отклик на книгу А. В. Постникова, – хочется остановиться на картографическом аспекте монографии.

Восприятию текста способствуют карты Памира иезуитов Ф. Роша и Ж. Эспинья, карта Центральной Азии, составленная на основе съемок А. Бернса (1834), и карта верховий Амударьи М. И. Венюкова (1854), которые автор критически анализирует.

Особое внимание автор уделяет картографированию Памира в 1880–1890 гг. На основе картографических источников рассматривает разграничение Северо-Восточного Памира между Россией и Цинской империей. Показывает, что картографирование может служить основой для решения межгосударственных вопросов. В книге публикуются карты, до недавнего времени остававшиеся секретными.

Карты, составленные топографами в начале XX в., являются наиболее подробными из всех созданных в дореволюционное время карт границы России с Китаем на Памире. Они не потеряли значения и в наши дни, поскольку в некоторых местах до сих пор граница СНГ и Китая не установлена в строгом соответствии с нормами международного права.

¹⁵ Снесарев А. Е. Зима на Памире // Туркестанские ведомости. Ташкент. 24 декабря (6 января) 1902 г. № 103. С. 633.

Анализ картографических источников, публикуемых впервые, показывает значение картографии в межгосударственных отношениях и в жизни народов сопредельных стран.

Первое и второе издания монографии отличаются формой подачи картографических источников. Если в первом издании они представлены в отдельном приложении, то во втором публикуются в соответствующих местах книги, где эти источники анализируются.

Во втором издании книги много фотографий из архива Русского географического общества (РГО), отражающих природу Памира, представляющих людей, живших там и участвовавших в борьбе на «Крыше Мира».

Закономерно, что 7 декабря 2004 г. Ученый совет РГО по результатам конкурса и путем тайного голосования наградил А. В. Постникова Золотой медалью им. П. П. Семенова за монографию «Схватка на “Крыше Мира”: Политики, разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX веке». Эта медаль – одна из четырех персональных высших наград РГО, существующих с дореволюционных времен. Она присуждается за выдающиеся труды в области истории географических исследований, политической и социальной географии, геополитики, исследований горных районов. Книга А. В. Постникова вносит существенный вклад в развитие этих разделов науки.

Рискнем предположить, что уже в недалеком будущем монография А. В. Постникова откроет новые, пока еще скрытые свои грани, которые не только читателям, но и самому автору покажутся неожиданными и привлекут к «памирской тематике» новых исследователей.